

Л.Ю. Уварова

Поэтические формулы с кратким причастием в языке немецкой поэзии

Аннотация: Атрибутивные словосочетания «краткое прилагательное / причастие + существительное», например ‘ein ewig Lobgedicht’ (Gellert), ‘mein glühend Herz’ (Griphius), ‘ein herrlich Los’ (Goethe), в немецком языке представляют собой явление, которое не может быть достаточно точно определено с точки зрения синтаксиса современного немецкого языка, поскольку, с одной стороны, нельзя отрицать наличия атрибутивных отношений между прилагательным / причастием и существительным в рамках словосочетания; с другой – отсутствие падежной флексии прилагательного / причастия делает характер связи внутри словосочетания не вполне понятным.

В статье рассматриваются грамматические, семантические и стилистические особенности употребления обобщающих поэтических формул, одним из компонентов которых является отглагольная форма – причастие настоящего времени, намечаются подходы к установлению причин сохранения такого рода словосочетаний как одного из характерных выразительных средств образности в языке немецкой поэзии. Анализ использования атрибутивных словосочетаний данной структуры в поэтических произведениях немецких поэтов XVII–XIX веков показал, что причины этого явления следует искать в употреблении, характерном для предшествующих этапов развития немецкого языка. Не в последнюю очередь они обусловлены развитием и закреплением в языке общей категории признака, отвлеченного от конкретного предмета, обладающего значительной степенью абстракции. Зачастую именно это абстрактное значение признака реализуется в исследуемых словосочетаниях, воспринимаемых в целом как некое поэтическое обобщение, универсальная поэтическая формула, метафорическое высказывание.

Ключевые слова: язык поэзии, атрибутивные словосочетания, типы синтаксической связи, традиционные эпитеты, признак действия, общая категория признака, поэтические формулы, универсальный многомерный смысл, метафорическое обобщение

Abstract: The attributive phrases, as «short adjective / participle + noun», for example ‘ein ewig Lobgedicht’ (Gellert), ‘mein glühend Herz’ (Griphius), ‘ein herrlich Los’ (Goethe), can not be accurately determined from the viewpoint of the modern German syntax, because on the one hand, we can see in these phrases the attributive relations between adjective / participle and noun; on the other hand, the lack of inflexions of adjective / participle making nature of the relationship within the phrase are not quite clear.

This article discusses grammatical, semantic and stylistic features of the use of the generalizing poetic formulas, one component of which is a verbal form – present participle; explains the causes of the conservation of such phrases as characteristic means of expression of imagery of German poetry. Analysis of the use of these attributive word-combinations in the poetic works of German poets XVII–XIX centuries showed that the causes of such using of these structures must be sought in the previous stages of development of the German language. Not in the last turn, it was due to the development and the reinforcement in the language the general category of adjective feature, which was detached from the specific subject and received a considerable degree of abstraction. Often this abstract sense of the feature is implemented in the studied phrases, perceived usually like a poetic generalization, universal poetic formula, metaphoric phrases.

Key words: the language of poetry, attributive phrases, types of syntactic context, traditional epithets, feature of action, the general category of feature, poetic formulas, universal multi meaning, metaphorical generalization

При анализе употребления атрибутивных словосочетаний структуры «краткое прилагательное (причастие) + существительное» в поэтических текстах XVII–XIX вв. бросается в глаза, что немалую долю от общего числа словосочетаний такой структуры составляют такие, где в качестве определения используется причастие, не имеющее падежной флексии. Эти факты обойдены молчанием в лингвистической литературе, хотя и подтверждаются весьма красноречивыми статистическими показателями, что само по себе не может быть случайным.

Статистическое исследование показало, что в собранном языковом материале около четверти отмеченных случаев использования атрибутивных словосочетаний исследуемой структуры приходится на словосочетания с кратким причастием (большинство последних составляют причастия настоящего времени – Partizip I). Достаточно широкая выборка показывает, что краткое причастие в качестве препозитивного определения использовалось практически всеми немецкими поэтами XVII–XIX вв., стихи которых анализировались. Логично предположить, что именно в этом направлении, т. е. с учетом значения и особенностей употребления одного из компонентов словосочетания, выраженного отглагольной формой, могут быть намечены новые подходы к установлению причин сохранения и использования атрибутивных сочетаний с кратким прилагательным и причастием в языке немецкой поэзии исследуемого периода.

Общепринятым считается отнесение причастия (с точки зрения принадлежности к частям речи) к формам глагола. Однако употребление причастия в сфере прилагательного – явление весьма распространенное и вполне привычное. Грамматисты немецкого языка по-разному трактуют такую «неверность» причастия своей части речи (глаголу). В грамматике Дудена, скажем, отмечается лишь участие причастия в сфере употребления прилагательного [Duden 1984: 234].

В. Шмидт подчеркивает совпадение многих синтаксических функций причастия и прилагательного: «die Partizipien können in vielen Fällen das Adjektiv syntaktisch vertreten – *das erwachende Misstrauen; die erleuchteten Fenster; die Fenster sind erleuchtet; sie spricht gequält...*». Следовательно, причастие, по мнению Шмидта, занимает промежуточное положение между частями речи «глагол» и «прилагательное»; являясь изначально отглагольной формой, оно все более сближается со сферой функционирования прилагательного [Schmidt 1983: 240–241].

Г. Бринкман склонен видеть в причастии настоящего времени скорее прилагательное, чем неличную форму глагола, обозначая причастие настоящего времени как «Adjektiv» и «Attribution» [Brinkmann 1962: 267–268].

А.Н. Шомин относит причастие в систему глагола как форму слова, выделяя особо случаи адъективизации причастий, т. е. полного перехода в разряд прилагательных, что происходит нередко благодаря их образному употреблению (например: *brennende Frage, verschlossenes Gesicht*). В этих случаях предлагается различать омонимичные формы прилагательного и причастия [Шомин 1969: 142, 272].

Среди отмечаемых германистами признаков причастия, свидетельствующих о его близости прилагательному (таких как: способность образовывать степени сравнения, образовывать сложные слова по типу сложных прилагательных, согласовываться с определяемым существительным) особенно важным для настоящего исследования представляется следующее свойство причастий настоящего времени: «*verbal gedachte Inhalte als Attribute in den substantivischen Bereich hinüberzuführen, vgl. eine beglückende Nachricht – eine Nachricht, die beglückt*» [Schmidt 1983: 241]. Эта способность причастия настоящего времени относить, переводить некие значения, мыслимые как действия, в группу существительного, вступая с последним в определительные отношения, отчетливо проявляется в ряде исследуемых словосочетаний, использованных в стихотворном тексте, например:

Da glühen Blicke
Mir immerfort
Erregend Liedchen,
Erheiternd Wort;
Ein immer offen
Ein Blütenherz,
Im Ernste freundlich
Und rein im Scherz.

(Goethe, «Frühling übers Jahr»)

Nein, deine Huld, o Gott! ist allzu offenbar,
Die ganze Schöpfung legt **dein liebend Wesen** dar...
(Haller, «Über den Ursprung des Übels»)

Сущность признака, выраженного причастием настоящего времени и характеризующего существительное, заключается в назывании, обозначении действия, совершаемого лицом или предметом, обозначаемым данным существительным. Действие становится признаком субъекта (предмета или лица) ср.: *erregend Liedchen* – ein Liedchen, das erregt; *erheiternd Wort* – ein Wort, das erheitert; *dein liebend Wesen* – dein Wesen, das liebt.

Краткое причастие настоящего времени, относясь к существительному и называя его признак (формальным показателем закрепления причастия в группе существительного, принадлежности к атрибутивному словосочетанию являются стоящие перед причастием неопределенный артикль или притяжательное местоимение), тем не менее явно сохраняет свою соотносительность с глаголом. Общее значение действия, совершаемого лицом или предметом, в этих случаях как бы превалирует над общим значением признака, качества.

Другими словами, атрибутивное словосочетание с кратким причастием настоящего времени воспринимается не как выделенное, характерное качество предмета, не тем более как обобщенная качественная характеристика, имеющая некое отвлеченное от данного предмета, лица значение, а прежде всего как обозначение, называние действия, совершаемого данным предметом, лицом в данный момент наряду с действием, обозначенным в данном предложении сказуемым:

Mein Mädchen ward mir ungetreu,
Das machte mich zum Freudenhasser;
Da lief ich an **ein fließend Wasser**,
Das Wasser lief vor mir vorbei.
(Goethe, «Rettung»)

Durch die Heiden, durch die Weiden ging **ein wandernd Herdgetön**
Ewig jung ist nur die Sonne, sie allein ist immer schön.
(Meyer, «Ewig jung ist nur die Sonne»)

Очевидно, что соотносительность краткого причастия со сказуемым не менее ощутима, чем его связь с определяемым существительным. Кроме того, в данных примерах семантические отношения между кратким причастием и существительным не могут быть признаны как характерные именно для поэтического определения и определяемого им предмета (лица), т. е. речь не идет об эмоциональном или метафорическом употреблении эпитета. Мы имеем здесь дело скорее со стилистически нейтральным обозначением, называнием признака, характеризующего предмет не как таковой, а как обладающий этим признаком именно сейчас, в данное время, пока совершается соответствующее действие.

Der Ochsen schwerer Schritt führt ihre Winterspiele,
Und **ein froh lockend Lied** begleitet ihre Reise.
(Haller, «Die Alpen»)

Und rings durch die Stadt verbreitet
Sich **ein tosend Stahlgeklirr**;
Näher, immer näher streitet
Her der Stimmen Kampfgeirr.
(Brentano, «Apo und Meliore»)

Sie schleicht zurück und drückt, so fest sie kann,
Ihr lauschend Ohr an eine Ritze...
(Wieland, «Oberon»)

Значение причастия настоящего времени как отглагольной формы подкрепляется в предложении значением глагола-сказуемого. Тем самым временной признак причастия отчетливо обозначен. Как показывают приведенные примеры, лексическое значение основ причастия и глагола, выступающего в предложении в качестве сказуемого, сопоставимы в том смысле, что действия, обозначенные во времени и выражаемые причастием и глаголом-сказуемым, могут быть рассмотрены как протекающие одновременно, параллельно, как дополняющие друг друга: **ein froh lockend Lied** begleitet ihre Reise – ein Lied begleitet sie und lockt froh (begleitet sie, indem es froh lockt; begleitet sie froh lockend – *радостно, призывно звуча, песня сопровождает их в пути*).

Последняя конструкция, пожалуй, точнее всего передает соотношенность действий в изначальном варианте, (т. е. в стихотворных строках, где употреблено атрибутивное словосочетание с кратким причастием), поскольку и в ней используется причастие настоящего времени, на этот раз в функции обстоятельства, характеризующего, уточняющего действие, обозначенное глаголом-сказуемым.

Не вызывает сомнения, что причастие настоящего времени, являясь одной из форм глагола, причем неличной формой, как это признается грамматистами, по природе своей тяготеет к группе глагола. Употребление причастия настоящего времени в качестве обстоятельства, уточняющего, дополняющего действие, выражаемое сказуемым, – языковая реальность, соответствующая норме современного немецкого языка.

Под этим углом зрения говорить о краткой, несклоняемой форме причастия, а тем более как о форме, лишенной падежной флексии, не совсем логично, поскольку, как отмечалось, переход причастия из части речи «глагол» в часть речи «прилагательное» не есть свершившийся факт, а потому «уподобление» прилагательному, замещение его в ряде функции (в том числе в функции согласованного определения) – явление вторичное.

Общей особенностью всех неличных форм глагола, как подчеркивают исследователи германских языков, является наличие у них как именных, так и глагольных свойств, что проявляется в семантико-морфологическом и син-

таксическом планах: в большей или меньшей легкости перехода в другие грамматические классы, в использовании морфологического варьирования как средства синтаксической связи (согласования, управления) и т. д. [Историко-типологическая морфология 1979: 143–144].

Из сказанного следует, что причастие настоящего времени вполне естественно может быть воспринято именно как признак действия (или во всяком случае как признак, соотнесенный с действием). С этой точки зрения его формальное «несогласование» с субъектом действия внутри атрибутивного словосочетания не так резко «диссонирует» с нормативным употреблением препозитивного определения. (Препозитивное определение без падежной флексии воспринимается в современном немецком языке как нарушение нормы прежде всего для прилагательного, которое в данной функции и позиции должно согласоваться с существительным, т. е. склоняться.)

Представляется, что в качестве одной из причин сохранения в стихотворных произведениях атрибутивных словосочетаний структуры «краткое причастие + существительное» может быть названа свойственная причастию настоящего времени способность к обозначению действия либо признака действия, протяженного во времени, лежащая в природе отглагольной формы. В такого рода словосочетаниях синтаксическая связь существительного и краткого причастия ослабляется, позволяя в большей степени относить действие-признак к группе сказуемого.

Hat sie, von mir auch so durch den Fluss zu fliehen
Gelehrt, dass **spritzend Wasser** den Blick mir traf,
Von selbst nicht in dem See einst halbe
Kreise gemacht, mit des Rehes Anspruch?
(Klopstock, «Unterricht»)

А.И. Смирницкий выделял «более тесные и менее тесные» типы синтаксической связи, называя атрибутивную связь «наименее живой, но более прочной». Ослабление атрибутивной связи между существительным и кратким причастием (что обусловлено не в последнюю очередь отсутствием формального согласования, а нередко и отсутствием артикля) можно, видимо, считать определенным шагом к «менее тесной», чем атрибутивная, – «дополнительной, или комплетивной связи» [Смирницкий 1957: 173–175].

Die falben Wolken glühn von blitzendem Rubine,
Und **brennend Gold** bedeckt das Feld.
(Haller, «Morgengedanken»)

Отсутствие артикля, цементирующего единство атрибутивного словосочетания, позволяет рассматривать признак, содержащий действие (**spritzend, brennend**), в отрыве от существительного (*Wasser, Gold*), относя его к глаголу (*fliehen, bedeckt*). Однако сам факт наличия в этих предложениях атрибутивного словосочетания не может быть поставлен под сомнение, поскольку синтаксическая функция причастия I определена здесь самой структурой предложения: в первом случае причастие входит в состав придаточного

предложения, где его функция может быть понята только как функция определения в составе атрибутивного словосочетания с существительным, во втором – определяется порядком слов, синтаксической позицией причастия.

В связи со значением причастия, обозначающего действие как признак, соотношенный во времени с действием, выражаемым в предложении сказуемым (глаголом), представляется небезынтересным высказанное В.В. Виноградовым положение о том, что краткие прилагательные в русском языке обозначают «качественное состояние, протекающее или возникающее во времени, полные – признак, мыслимый вне времени» [Виноградов 1972: 214].

Что касается языка немецкой поэзии, то такое утверждение может быть признано верным лишь по отношению к описанным выше случаям употребления краткой формы причастия в составе атрибутивных словосочетаний с существительным. Речь идет лишь о тех случаях, когда употребление краткого причастия в группе существительного обусловлено в большей степени его (причастия) «глагольными» свойствами, т. е. на первый план выступает способность причастия как отглагольной формы обозначать признак, существующий во времени. При этом, как было показано, характеризуется даже не столько субъект действия, сколько уточняется действие (основное), называемое в предложении, стихотворной строфе.

Примером подобного употребления краткого причастия с четко выраженным временным признаком могут служить также следующие стихотворные строки:

Wann Phöbus weicht, weicht doch die Klarheit nicht:
Die Nacht wird Tag vom Leuchten wilder Flammen.
Den Himmel färbt **ein wallend Purpurlicht**;
Von Dächern schmilzt ein Kupferf uss zusammen.
(E. Kleist, «*Sehnsucht nach Ruhe*»)

Однако, как показывает исследуемый материал, далеко не всегда временное значение причастия, его соотношенность с действием, называемым в предложении, являются определяющими значение атрибутивных словосочетаний с кратким причастием. Напротив, в большом количестве случаев причастие настоящего времени, определяя существительное внутри атрибутивного словосочетания, совершенно утрачивает временной признак, создавая качественную характеристику существительного, имеющую значение устойчивого признака, присущего данному предмету, явлению, нередко может пониматься как традиционный эпитет в языке немецкой поэзии. Ср., например:

Da kam ein Heiland, ein Befreier,
Ein Menschensohn, voll Lieb und Macht,
Und hat **ein allbelebend Feuer**
In unserm Innern angefacht.
(Novalis, «*Geistliche Gedichte*»)
Solang er glaubt, dass dem ird'schen Verstand

Die Wahrheit je wird erscheinen
Ihren Schleier hebt keine sterbliche Hand,
Wir können nur raten und meinen.
Du kerkerst den Geist in **ein tönend Wort**,
Doch der freie wandelt im Sturme fort.
(Schiller, «Die Worte des Wahns»)

В первом из приведенных примеров животворящий огонь, вселяемый в людские души Спасителем мира (**ein allbelebend Feuer**), – емкий и достаточно традиционный для религиозного сознания образ, создаваемый атрибутивным словосочетанием структуры «краткое причастие + существительное», имеющий значение вечного, непреходящего источника света, жизни, радости.

Атрибутивное словосочетание **ein tönend Wort** понимается нами как выражающее некий обобщенный смысл: всякое звучащее слово, материальное воплощение мысли – оковы, для свободно парящего духа.

В атрибутивных словосочетаниях структуры «краткое причастие + существительное», используемых в поэтических текстах XVII–XIX вв., нередко не только «затемняется» или даже утрачивается временной признак краткого причастия, но и сама соотносительность его со значением действия, изначально присущим причастию как глагольной форме. Переосмысляются семантические отношения между определяемым и определителем, что становится основой для возникновения метафорического образа, например:

Jetzt stand der Mensch und wies den Sternen
Das königliche Angesicht,
Schon dankte nach erhabnen Fernen
Sein sprechend Aug dem Sonnenlicht.
(Schiller, «Die Künstler»)

...Am Hofe soll das Ja oft Nein
Und Nein **ein wuchernd Jawort** sein.
(Hagedorn, «Ja und Nein»)

Der Geiz erniedrigt unser Herz,
Erstickt die edlern Triebe.
Die Liebe für **ein schimmernd Erz**
Verdrängt der Tugend Liebe...
Und machet, der Vernunft zum Spott,
Ein elend Gold zu deinem Gott.
(Gellert, «Wider den Geiz»)

Метафоричной может быть ситуация в целом, создаваемая с помощью атрибутивного словосочетания с кратким причастием. Примером могут служить строки из драмы Готшеда, где такого рода словосочетание приобретает символическое звучание:

Pharnaces: Ich folge gern ins Feld. Die Götter sollen zeugen,
Dass Caesar oder ich **ein sterbend Haupt** soll neigen.
(Gottsched, «Cato»)

Подобное использование атрибутивных словосочетаний структуры «краткое причастие + существительное» может быть отнесено к случаям собственно поэтического употребления, когда обобщающий характер, метафоричность создаваемого образа, облеченного в поэтическую формулу, отвечают идейным и эстетическим задачам автора стихотворных строк.

В этих случаях едва ли может идти речь о временном признаке краткого причастия. Как представляется, смысловая соотнесенность причастия настоящего времени со значением действия и тем самым его способность выступать в качестве обстоятельства действия, обозначенного сказуемым, здесь также выражены крайне слабо. Кроме того, здесь безусловно угадывается образный смысл определительных причастий **lockend** – манящий, притягательный (о растении), **racheglühend** – пылающее жаждой мести (о сердце), ср.:

...Die Wälder, wo ich gern den öden Pfad verwirrte,
Und oft **ein lockend Kraut** vergnügt in Unschuld brach...
(Haller, «Antwort an Herrn Bodmer»)

...Schon lange dürft' ich nach der Lust,
Mein racheglühend Herz in deinem Blut zu fühlen.
(Wieland, «Oberon»)

Думается, что такого рода употребление причастия настоящего времени в составе атрибутивных словосочетаний может быть истолковано как совпадающее с функцией прилагательного (эпитета) перед определяемым существительным, а отсутствие падежной флексии у причастия и, в конечном счете, причины сохранения атрибутивных групп с кратким причастием в поэзии сводятся, видимо, к тем же факторам, которые обуславливают употребление несклоняемой формы прилагательного в группе существительного в поэтическом тексте.

То, что краткая форма прилагательного в составе атрибутивного словосочетания перед существительным не имеет значения признака, ограниченно во времени, как это справедливо отмечалось В.В. Виноградовым по отношению к русскому языку, с большой наглядностью показывают случаи собственно поэтического употребления исследуемых словосочетаний.

Как раз напротив, обобщающий, универсальный характер поэтических формул возникает благодаря тому, что признак, обозначаемый кратким прилагательным или причастием мыслится вне времени, как бы сам по себе, оторванный от конкретного предмета, отвлеченный, почти овеществленный. Например:

Der Dichter las **ein frostig Trauerspiel**,
Das, wo nicht seinem Wirt, doch ihm sehr wohl gefiel.
(Gellert, «Das Gespenst»)

Ich weiß es *wohl*, **kein klagend Wort**
Wird über deine Lippen gehen;
Doch, was so sanft dein Mund verschweigt,
Muss deine blasse Hand gestehen.
(Storm, «Frauenhand»)

Как известно, краткое прилагательное по своему внешнему оформлению совпадает с наречием, что может рассматриваться как омонимия грамматических форм, принадлежащих разным частям речи. Однако следует отметить, что исторически развитие наречия шло в тесной связи с прилагательным. Наречная форма, образовавшаяся в древневерхненемецком путем присоединения к основе прилагательного суффикса *-o*, в новый период развития языка сливается с краткой (сильной, принадлежавшей к местоименному склонению) формой прилагательного, которая могла обозначать, о чем уже говорилось, качество, признак в чистом виде, оторванное от конкретного предмета или явления.

Как отмечают историки немецкого языка, это приводит «к складыванию общей категории признака, которая в зависимости от конкретных условий употребления ее в речи могла выступать как признак предмета (определение) или как признак действия (обстоятельство)» [Филичева 1959: 246].

Данное положение хорошо согласуется с тезисом, выдвинутым еще А.А. Потебней, о способности краткой формы прилагательного выражать некое свойство, качество предмета само по себе как неовещественное, доведенное до абстракции [Потебня 1899: 99–100].

«Отголоски» такого употребления прилагательного-наречия, когда отнесение признака к действию или предмету одинаково возможно, мы находим в поэтических строках не только XVII, но и позднее в XVIII и XIX вх. Например:

Die Schrift die ist die Salb auf des Gemütes Wunden;
Die Schrift die ist die Bucht, drinn **ewig Heil** wird funden.
(*Logau, «Die heilige Schrift»*)

Die mit Tränen Samen streuen
Werden **fröhlich Korn** abmähen.
(*Opitz, «Trost-Lied»*)

Dem Fürsten dünkt, er hab' in seiner Lebenszeit
Nie so **vergnüglich Mahl** gehalten.
(*Wieland, «Oberon»*)

Nathan: Und er liebt dich und tut
Für dich und deinesgleichen **stündlich Wunder**.
(*Lessing, «Nathan der Weise»*)

Jenseits dem Kozytus wollt ich schweben,
Und empfangе **sklavisch Tod und Leben**,
Leben, Tod von einem Augenspiel.
(*Schiller, «Vorwurf»*)

Отсутствие артикля у существительного, определяемого кратким прилагательным (если здесь действительно можно говорить об определении предмета), а также наличие семантической связи между прилагательным-наречием и глаголом, позволяют рассматривать признак, обозначаемый кратким прилагательным и как обстоятельство.

Ich hätte mit mehr Ruhm die Faust an Pfug geschlagen
Und dieses Feld gebaut, das mich umsonst getragen.
Ja, vor der fremden Tür **ein schimmelnd Brot** begehrt,
Als hier mit Zeit und Gut die einig Ehr verzehrt.
(Gryphius, «Unglücklich Verliebte»)

Показательно, что в процитированных стихотворных строках Грифиуса **ein schimmelnd Brot** – собственно не хлеб, покрывающийся плесенью (ср.: *ein schimmelndes Brot* имело бы более конкретное, вещественное значение), а одна из емких образных характеристик крайне бедственного положения человека, скитающегося на чужбине, лишённого возможности честным трудом добывать свой кусок хлеба.

Универсальной, достигающей уровня метафорического обобщения может стать сама ситуация, созданию которой не в последнюю очередь способствует употребление обобщающих поэтических формул структуры «краткое причастие + существительное», где «мобильность» признака усиливает образный смысл и многомерность, семантическую неоднозначность поэтического высказывания:

Wie sicher lebt der Mensch, der Staub!
Sein Leben ist **ein fallend Laub**;
Und dennoch schmeichelt er sich gern,
Der Tag des Todes sei noch fern.
(Gellert, «Betrachtung des Todes»)

Noch klopft von Todesangst umfängen
Sein stockend Herz, er starrt in Tageslicht
Hinaus, und kalter Schweiß liegt auf den bleichen Wangen.
(Wieland, «Oberon»)

Представляется, причины сохранения в языке немецкой поэзии атрибутивных словосочетаний с кратким прилагательным и причастием следует искать в употреблении, характерном для предшествующих этапов развития немецкого языка и нашедшем отражение в поэтических текстах XVII–XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. DER GROBE DUDEN. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Bd. 4, Mannheim, 1984.
2. SCHMIDT W. Grundfragen der deutschen Grammatik. 6. Aufl. Berlin: Volk und Wissen, 1983.
3. BRINKMANN H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung.-Düsseldorf, 1962.
4. ШОМИН А.Н. О месте неличных глагольных форм в системе языка (на материале немецкого языка): Дис. ... канд.филол. наук. М., 1969.
5. ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ германских языков. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1979.
6. СМирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957.

7. ВИНОГРАДОВ В.В. Русский язык. М.: Наука, 1972.
8. ФИЛИЧЕВА Н.И. История немецкого языка. М.: Изд. Моск. ун-та, 1959.
9. ПОТЕБНЯ А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Харьков, 1899.

Сведения об авторе:

Людмила Юрьевна Уварова,
канд. филол. наук
доцент
кафедра немецкого языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломносова

Lyudmila Y. Uvarova,
PhD
Docent
Department of German Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ludmila@uvarova.net.ru